

Хата с краю

Альтруизм крепок только там, где можно увильнуть от общего дела

Летом 2002 г. Land Rover антрополога Фрэнка Марлоу словно подталкивал аборигенов к аморальным поступкам. Который год подряд профессор колесил по танзанийской саванне, изучая жизнь племени хадза. Этих охотников и собирателей сейчас осталось всего около 800 человек. Их образ жизни нисколько не изменился за тысячелетия, поэтому-то хадза, как и другие реликтовые племена, так сильно интересуют исследователей социального поведения человека.

..... Подстрелив из лука дичь, проводник профессора спрятал добычу в багажнике на крыше внедорожника. У него был ловкий план: на следующий день они с Марлоу собирались в соседний стан хадза, и мясо должно было снискать проводнику расположение тамошних женщин. Любовное приключение не удалось: на родной стоянке мясо унюхали соплеменники. По обычаю, с деланой радостью его пришлось раздать всем желающим.

« Отрицая буржуазный зоологический индивидуализм, новый человек прекрасно понимает высокую цену индивидуальности, крепко соединенной с коллективом. Максим Горький »

..... На другой стоянке Land Rover опять попытались использовать для неблаговидного поступка. Найдя гнездо диких пчел и насобирав меда, один охотник весь вечер пытался получше спрятать сосуд под машиной. Так, чтобы никто не заметил. И опять сорвалось: сидящие у костра обратили внимание на странные действия соплеменника, и мед опять был роздан всем желающим. Выходки прижимистых хадза были настолько необычными для племени, что Марлоу счел нужным отдельно описать их в своей работе*.

Обычно люди хадза буквально выполняют первую часть заповеди “Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся”. Вторая к ним просто не относится: у хадза нет частной собственности, потому и занимать нечего. С ближним принято делить всю добытую пищу, благо в окрестностях соленого озера Эяси она пока водится в изобилии. Спрятать от соплеменников пищу — проступок для хадза страшнее, чем супружеская измена. За измену жена может выгнать из шалаша (а может и простить), а за припрятанную банку меда можно быть навсегда извергнутым из племени. Даже удивительно, что при такой строгости чуть ли не половина взрослых хадза вообще ничего не приносят в общий котел на стоянке. Что соберут или наловят — тут же сами и съедят. И за это им ничего не бывает.

НАКАЗЫВАЕТ — ЗНАЧИТ ЛЮБИТ

..... Антропологи и экономисты уже давно считают наказание матерью человеческих добродетелей. В окружении людей, которые часть своих ресурсов жертвуют на общее благо, абсолютный эгоист получает колоссальные преимущества. Сам он ничего не отдает, зато откусывает от общих благ, которые создают альтруисты. Следовательно, только то общество альтруистов чего-нибудь да стоит, которое умеет защищаться — наказывать эгоистичное поведение.

* Marlowe F. What explains Hadza food sharing? Research in Economic Anthropology. 2004. Vol. 23. P. 69-88.

** Henrich J. et al. Costly punishment across human societies. Science. 2006. Vol. 312. P. 1767-1770.

*** Hauert C., Sigmund K. et al. Via freedom to coercion: The emergence of costly punishment. Science. 29 June 2007. Vol. 316. P. 1905-1907.

Недавно связь затратных наказаний и альтруизма получила мощное экспериментальное подтверждение. Ученые несколько лет объезжали уцелевшие первобытные племена и играли с ними в простейшие экономические игры. В огромной работе, черту под которой подвела в прошлом году итоговая статья в журнале Science**, есть и вклад профессора Марлоу, знатока хадза.

Проанализировав обычаи 15 племен, ученые установили прочную закономерность: там, где люди были готовы сильнее наказывать эгоистичное поведение, был более развит альтруизм. Интуитивная логика проста: скидываться на общее дело проще, когда есть уверенность, что на нем никто не будет паразитировать. Теория затратных наказаний наглядно объясняла, как поддерживается альтруизм в обществе. Самым слабым ее местом была полная неспособность показать, как он мог там зародиться. Ведь наказание — это труд, дополнительные затраты. Альтруист, который не отвлекается на наказания нарушителей, получает больше, чем альтруист, который следит за порядком. Зачем рациональному человеку терять полдня в милиции, чтобы привлечь к ответственности мелкого воришку?

“Мы, кажется, вместо того, чтобы искать объяснение кооперативного поведения, все увлеклись объяснением альтруистических наказаний”, — сокрушался в прошлом году психолог из Лестерского университета Эндрю Колман. Модель наказаний работает, только если альтруистов в обществе подавляющее большинство. Только тогда им относительно легко наказать одиночку-эгоиста, который не вносит вклад в общее дело, но стремится пользоваться его благами. В

расчетах, которые имитируют реальные условия, доля таких эгоистов не должна подниматься выше нескольких процентов. Однако это равновесие оказывается неустойчивым к сильным воздействиям. И уж тем более модели не могут объяснить, как альтруизм и наказания могли появиться в обществе, где изначально не было ни того ни другого.

Если альтруисты оказываются в меньшинстве, они попадают в потрясающе невыгодное положение. Крупницы общего блага, которые они создают, тут же проматываются эгоистами. А если альтруисты к тому же отвлекаются на наказание вездесущих рвачей, ресурсов для себя у них просто не остается. Такая ситуация могла возникать “в начале времен”, когда альтруистов не было вообще, или когда их доля в обществе падала ниже определенного предела — например, в результате войны.

Группа математиков и экономистов из Вены и Гарварда добавила в традиционный математический расчет кооперативного поведения новый элемент. В модель к эгоистам и альтруистам ученые подсадили независимых индивидуалистов, которые свой вклад в общие блага не вносят, но зато ими и не пользуются. Наказания за такое поведение они не несут — совсем как те люди из племени хадза, которые собирают еду только себе и которых никто за это не трогает.

Сейчас эта добавка кажется очевидной, а математическая модель — такой простой, что ее мог бы придумать даже школьник. Однако статью венского профессора математики Карла Зигмунда и четырех его коллег не только моментально опубликовали в престижном Science***, но и снабдили обширным толкованием антропологов Роберта Бойда и Сары Мэтью из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. “Это первая эволюционная модель, которая объясняет, как альтруизм и наказания возникли в больших группах буквально из ничего, — восхищается Бойд. — До этого были только модели, в которых из-за какой-то случайной флуктуации в обществе вдруг возникало сразу много альтруистов”.

Чтобы модель Зигмунда работала, неприсоединившийся индивидуалист должен жить немного лучше, чем эгоист в мире, состоящем сплошь из таких же эгоистов. Но хуже, чем альтруист, который живет в обществе взаимовыручки. Тогда эгоисты вначале превращаются в неприсоединившихся. А те, в свою очередь, через некоторое время становятся альтруистами, которые готовы наказывать эгоистов за эксплуатацию общего котла. В итоге модель приходит к равновесному состоянию, при котором 72% членов общества оказываются альтруистами, готовыми наказывать, 14% — кооператорами, которые сотрудничают, но не наказывают, 5% — рвачами и 9% — бескорыстными индивидуалистами. Если неприсоединившихся из модели убрать, коллектив через некоторое время существования в режиме альтруизма скачком трансформируется в общество рвачей.

“Получается парадоксальный результат: общество, от которого можно безнаказанно отколоться, поощряет развитие института наказаний”, — словно удивляется собственным результатам одна из авторов работы Ханнелоре Брандт. Ведущий автор Кристоф Хауэрт приводит в пример систему, которую нельзя покинуть, — нашу планету. “Там, где нужны всеобщие усилия, например в борьбе с глобальным потеплением, следует ожидать массовых попыток обойти ограничения”, — предрекает Хауэрт. Если допустить научно-фантастический сценарий — можно улететь на планету со сносными, но не такими хорошими условиями, как на Земле, — отношение к глобальному потеплению было бы иным.

Мне не удалось поговорить с Карлом Зигмундом, на лидерство которого согласно указывают другие авторы работы. По словам Хауэрта, профессор сейчас очень занят. Он изменил правила стандартных экономических игр так, чтобы они могли решительно подтвердить или опровергнуть его теорию, и сейчас обкатывает их на своих студентах. Не так-то просто это сделать, качает головой Бойд: “С экспериментальной проверкой на современных людях будут большие проблемы”. Со времен, в которых живут ханза, человек изменился так, что уже не является чисто рациональным существом — альтруизм так просто из головы не выбросишь.

Михаил Попов

№ 24 (65) 02 июля 2007

Постоянный адрес материала: <http://www.smoney.ru/article.shtml?2007/07/02/3259>

печать

закрыть

